

Содержание

Целители Вилнока.....	5
Убийцы Тасалона.....	145
Узел теней.....	433
Дочь демона.....	533

Целители Вилнока

*Посвящается
всем врачам, что на протяжении долгой,
долгой истории медицины пробовали
самые безумные эксперименты,
часто терпели неудачу,
иногда добивались успеха —
и помогли создать наш мир*

У богов нет рук в этом мире, кроме
наших. Если мы подведем Их, к кому
Им обратиться?

Ингри кин Уолфклиф. Священная охота

С учетом того, что за одного младенца сражались четыре личности в трех телах, на взгляд Пенрика, было удивительно, что его новорожденной дочери Флорине вообще удавалось полежать в колыбели. Он пощекотал ей щеку длинным, перепачканным чернилами пальцем и улыбнулся, когда девочка чмокнула нежными губками и повернула голову.

— Отдай ее мне, Пенрик, — добродушно сказала его теща, Идрена. — Или это воркует Дездемона?

— Это я, — ответил Пенрик. — Новоиспеченным отцам тоже позволено ворковать. А Дез лишь на две двенадцатые без ума от младенцев.

— Верно, — согласилась его демон Дездемона, воспользовавшись ртом Пенрика. Она делила с ним тело — лишь таким образом создание духа могло выжить в материальном мире. «Паразит» был неподходящий термин, поскольку в ответ Дездемона давала Пенрику силы храмового чародея. «Квартирант» тоже не годился. Самыми распространенными метафорами были «седок» и «скаун», которые также намекали, что выпешший из-под контроля демон может поменять роли, если чародей-седок проявит слабость или беспечность. Пенрик обычно использовал слово «личность» — оно было уместно размытым и одновременно льстило Дез.

— Из нас младенцев всегда любили Литикон и целительница Хелвия, — продолжила болтать Дездемона. — Амберейн и Аулия предпочитали детей, способных говорить. Ручия и Мира были равнодушны к детской теме. А Рогаска

испытывала ко всем одинаковую неприязнь, вне зависимости от возраста.

Это был не полный список из десяти женщин (а также львицы и кобылы), в которых Дез обитала — и чьи отпечатки получила — на протяжении двухсот лет, что провела в этом мире, но Идрена понимающе кивнула, воспользовавшись тем, что Пен отвлекся, и выхватив у него из рук сонную Флорину.

— Не припомню старого генерала воркующим, — заметила она, нежно поглаживая надежно устроенную на плече внучку. — Скорее испуганным. Что странно, если подумать, с каким бесстрашием он подходил к армейским делам. Но, как и вы с Никис, он долго ждал первенцев.

— Тридцать три года — это недолго, — заявил Пенрик. По крайней мере, не для него. Возможно, для Никис, ставшей матерью впервые, это было иначе. После предыдущего бездетного брака, закончившегося ранним вдовством, она боялась, что не сможет иметь детей. — Сколько лет было отцу Никис, когда родились они с Аделисом? Пятьдесят?

— Около того. Ну, ну, малышка Флори, — заворковала Идрена, когда младенец завозился и изящно рыгнул. — Я так рада, что вы с Никис дали ей это имя. Для моей Флорины это была бы честь.

Познакомившись с Идреной, Пен с удивлением узнал о сердечных отношениях младшей наложницы с первой женой генерала — никакого обиженного соперничества и ревности, столь частых для подобных ситуаций. Пену это было только на руку — детство в такой семье, вероятно, подготовило Никис к сложностям жизни с двуликим Пенриком. Как и Идрену, если подумать.

— В следующий раз я выберу Ллевен, — вздохнул Пен.

Темные глаза Идрены насмешливо сверкнули. Хотя ей было под шестьдесят, она осталась привлекательной женщиной — прямой, с теплым медным оттенком кожи, характерным для жителей Седонии, и темными волосами, как у дочери, хотя кудри Идрены были присыпаны серебром.

— В следующий раз, говоришь? Мне нравится, как это звучит, но если родится мальчик? Я не всегда могу понять, для

кого предназначены непонятные имена, которые тебе нравятся, — для мальчиков, для девочек или для тех и других.

— Моя покойная архисвятая принцесса из Мартенсбриджа была женщиной, но это имя годится для обоих полов. И потому меня не застать врасплох.

Сквозь распахнутую дверь кабинета Пенрика донеслось слабое эхо стука в парадную дверь внизу. Пенрик услышал, как их служанка Лин пошла открывать, и расслабился.

Идрена же, напротив, вскинула голову с цепкой настороженностью, словно кошка, заметившая мышшь.

— Это голос Аделиса?

— Похоже на то, — согласился Пен, когда снизу из дворика долетел низкий рокот, слишком далекий, чтобы разобрать слова. Да, подтвердила Дез, чьи демонические чувства оставляли еще меньше места для сомнений, чем материнские чувства Идрены.

— О, нужно сообщить Никис. Где она?

— Ставит ткацкий станок в мастерской. — Вот почему ему удалось ненадолго перехватить Флорину.

— Я ей скажу, — заявила Идрена и направилась к выходу, по-прежнему не выпуская из рук свой приз. — А ты можешь спуститься.

— Аделис скорее пришел повидать вас обеих, а не меня, — запротестовал Пен.

Тем не менее он покорно поднялся, оставив на столе груду писем, которые забросил ради намного более интересной дочери, и зашагал к ведущей на галерею лестнице. Мошенный дворик в этом съемном доме, стоявшем в ряду других домов, был едва ли шире коридоров в деревянных домах на родине Пена, но впускал внутрь свет и воздух. И дождь, к которому Пену пришлось привыкнуть, поскольку это шло вразрез с его представлениями о разнице между «внутри» и «снаружи». Снега в герцогстве Орбас можно было не опасаться.

Крепкая парадная дверь вела прямо на улицу. Пенрик обходился без привратника, поскольку информации о том, что дом принадлежал чародею, обычно было достаточно, чтобы отпугнуть незваных гостей.

Когда он подошел, Лин склонила голову.

— Просвещенный, здесь генерал Арисайдья. Но он отказывается входить!

— Хм? — Пен выглянул наружу.

Его шурин, одетый в традиционные тунику, брюки и сапоги, но решивший в столь теплый день обойтись без кожаной кирасы и красного плаща, символизировавшего генеральский ранг, стоял у подножия лестницы, сжимая поводья лошади. Рядом с ним молодой человек — адъютант или конюх — держал еще двух лошадей, также оседланных по-армейски.

— Аделис, прошу, входи. Никис и Идрена будут рады тебя видеть. И кстати, твоя племянница не спит.

К его изумлению, Аделис протестующе вскинул руку.

— Нет!

— Что?..

— Я не должен входить, — продолжил Аделис, и вид у него был крайне решительный. Поскольку он мог временами быть чрезвычайно упрямым, Пен не стал спорить.

— Ты спешишь?

— Да. Мне нужно, чтобы ты поехал в форт и кое на что посмотрел. Сейчас.

Пен моргнул, застигнутый врасплох его настойчивостью. Форт, которым молодой генерал командовал по приказу герцога Орбаса, располагался со стороны суши, примерно в миле от стен Вилнока, в долине, откуда открывался вид на главную западную дорогу. Насколько понимал Пен, раньше пост был ближе, несколько столетий назад, когда Орбас являлся провинцией Седонийской империи, и до того, как порт вслед за постепенно заиливающимся речным устьем сместился вниз по течению. Герцог Джурго пытался держать в форте значительную часть легиона, когда жил в летней столице, хотя в защите больше нуждалась гавань, которую охранял флот. Несколько тысяч солдат и гражданских превращали форт в настоящий городок.

Едва ли Аделису срочно понадобился совет Пена в военных вопросах. Оставалась теология, что было маловероятно.

Переводы? Возможно, с учетом его владения языками. Или какая-то предположительно магическая проблема — обычно это оказывалось ошибкой, но в редких случаях бывало правдой, а значит, представляло интерес. Или...

— Несколько моих людей подхватили странную лихорадку.

Или это. Да. Гр-р.

— Разве у тебя нет на этот случай армейских целителей? Знатоков лагерной дизентерии и тому подобного?

— Это не она. И кстати, мы поддерживаем чистоту в казармах, колодцах и уборных и питаемся свежей пищей. Мои целители не могут понять, что это. Двое *сами* слегли с этой болезнью. А также несколько санитаров.

— Ты же знаешь, что я не практикую медицину, — натянуто произнес Пен. — Больше.

Аделис махнул кулаком, отгоняя возражения Пена.

— Прошлой ночью умерло четверо. *Еще* четверо. Шестеро умерли раньше.

Пен помедлил.

— Когда это началось?

— Не меньше десяти дней назад. Когда точно — никто не знает. Но болезнь появилась недавно, она распространяется — и смертельных исходов намного больше, чем при дизентерии.

— Кто выжил?

Аделис нахмурился.

— Пока рано говорить.

Звучит скверно, заметила Дез.

Действительно. Заразная болезнь, охватившая форт, непременно перекинется и на порт, а значит, окажется прямоком у парадной двери Пена, за которой скрывались человеческие сокровища. То, что Аделис держался подальше от вышеупомянутой двери, говорило о многом.

— Я только возьму свой саквояж, — со вздохом произнес Пен.

Он поднялся наверх в спальню, которую делил с Никис и, теперь, колыбелью Флорины. Саквояж, в котором лежали

инструменты его третьего — нет, четвертого — ремесла, после просвещенного святого, чародея и ученого, хранился в сундуке подальше от глаз и, желательно, мыслей, но если Пену понадобятся инструменты, то лучше использовать эти, а не армейские. Он вылез из удобной ношенной старой тунники, в которой бродил по дому этим утром, и надел почти лучшее летнее облачение святого Ордена Бастарда.

Узкие бежевые брюки. Кремовая туника без рукавов с разрезами от бедер, расходившаяся над коленями фалдами, по окантовке которых были вышиты священные животные, и перехваченная на талии плетеным поясом. Серебряная нить в плетении сообщала — или предостерегала — о призвании чародея. Пен оставил в сундуке посеребренное ожерелье для высокого воротника туники из его лучшего облачения, предназначенного для придворных церемоний и священных дней.

Он сунул в мешок старую одежду и смену белья. Пен надеялся, что ему не придется задержаться на ночь, а то и дольше, но никогда не знаешь заранее. Он мог попросить у Аделиса чистую армейскую форму, но все брюки будут ему безнадежно коротки.

Поразмыслив, он свернул свою длинную светлую косу в узел и прочно закрепил на затылке. Ему вовсе не хотелось, чтобы она падала вперед и полоскалась в грязи, производимой больными. Пен как раз заканчивал с этим делом, когда в спальню поспешно вошла Никис.

— Пенрик! Что происходит?

— Твой брат хочет притащить меня в свой форт, чтобы я взглянул на его людей, которые заболели. — Он решил не упоминать летальные исходы.

— Ему прекрасно известно, что не стоит взваливать на тебя такую задачу. — Никис нахмурилась еще сильнее. — И это означает, что ситуация необычная. — Быстрый логический вывод, а не вопрос.

— Что ж, я смогу это понять только после того, как сам увижу. Вместе с Дез. Я скорее рассчитываю на нее. — Ее опыт был значительно более обширным.

Никис обняла его и сделала глубокий вдох. Она была такой мягкой. На мгновение Пен позволил себе окунуться в это ощущение.

— В таком случае я тоже буду на нее рассчитывать. — Никис в свою очередь обхватила руками его тонкую талию. — Не позволяй ему пытаться прыгнуть выше головы, Дез.

— Сделаю все, что в моих силах, дорогая, — ответила Дез ртом Пенрика.

Одно из множества достоинств его достойной супруги заключалось в том, что она научилась различать Пенрика и Дез. Никис кивнула, нисколько не смутившись.

— Как долго тебя не будет?

— Не могу сказать, — ответил Пен. — Час? День? Неделя? Быть может, мне придется немного посидеть на карантине, прежде чем вернуться сюда.

— Это так заразно? — Ее глубокие карие глаза встревоженно расширились.

— М-м, быть может, не для меня. В первый год в Адрии я не подхватил третичную лихорадку, а она эндемична для этого региона. Я даже ни разу не болел простудой с тех пор, как приехал на Седонийский полуостров.

Удар по голове и заточение в бутылочной темнице, а также магическая атака утратившего над собой контроль чародея из Патоса не считались болезнями, и в тех случаях Дез тоже его исцелила.

Однако, если Никис, будучи кормящей матерью, подвергалась какому-либо риску, ему также подвергалась и их новорожденная дочь. Пен не сомневался, что Никис разделит его предосторожность.

— Так что не волнуйся, если от меня не будет новостей. Это просто означает, что Аделис не дает мне сидеть без дела.

— Хм! Не позволяй ему обращаться с тобой как с одним из своих армейских мулов, или я надеру ему уши.

Пен поцеловал ее по-сестрински поджатые губы, затем — неуловимые ямочки (ах, вот же они, так намного лучше), после чего неохотно ушел.

Заданный Аделисом темп не позволял вести беседы. Что ж, оно и к лучшему. Аделис был тактиком, а не целителем. Армейские медики скоро сообщат Пену неприглядные подробности на общем для них языке врачевания.

Пенрик лишь однажды бывал в форте, на церемонии, которую герцог Джурго устроил в честь своего нового генерала, успешно вернувшегося из кампании против назойливых русиллийцев. Без сомнения, цель заключалась в том, чтобы произвести впечатление на собравшиеся войска, однако Пен подозревал, что намного большую радость Аделису доставило присутствие его семьи, пусть и маленькой: Идрены, Никис и... да, Пена и Дез.

Форт располагался на невысоком холме, ничуть не похожем на увенчанные замками скалы на родине Пена, однако военные инженеры старой Седонии всегда стремились обеспечить доступ к воде в этих жарких краях. По внешнему периметру форт окружал большой ров, точнее, канава, которую периодически приходилось чистить от ила, мусора и крестьян, пытавшихся соорудить дома прямо у крепостной стены.

Они проехали по подъемному мосту и миновали главные ворота с каменными башнями по сторонам. Оказавшись внутри, спешили и поручили лошадей заботам конюха, который повел их в кавалерийские конюшни. Элитные конные эскадроны и курьеры жили рядом со своими любимыми скакунами на этой стороне форта, где также располагались большинство мастерских, кузница, склады и арсенал, хотя значительная часть сменных и тягловых лошадей паслась у реки. Аделис провел Пена через открытое центральное пространство — больше обычного двора, но меньше плаца, оно использовалось для смотров, — мимоходом прикладывая правый кулак к груди в ответ на приветствия отдававших честь солдат.

Когда они проходили мимо фортового храма, располагавшегося напротив штаб-квартиры Аделиса, генерал осенял

себя пятикратным знаменем. Пен запоздало последовал его примеру, коснувшись рукой лба, губ, пупка и чресл, после чего подобающим образом растопырив пальцы над сердцем, поскольку этот храм был посвящен Сыну Осени, богу братства, а значит, увы, и войны. Пен также по привычке приложил большой палец к губам, призывая сомнительное благословение своего собственного бога.

Суэта под священным портиком свидетельствовала о подготовке к похоронам. Ничего необычного, с учетом масштабов местного населения, и все же...

Обогнув казармы, они направились в дальний угол форта, где располагался лазарет. Здесь имелись свои небольшие ворота, которые вели во двор с колоннадой. Сразу за ними располагалось святилище Матери Лета, покровительницы целительства, среди прочих вещей. Пен считал, что у армии прямо противоположные задачи, однако заметил, что необычно много просителей распростерлось на молитвенных ковриках перед Ее затененным алтарем.

Процедурные кабинеты, склады, аптека и собственная баня с прачечной выходили в залитый солнцем двор. На тихой дальней стороне, под колоннадой, располагались палаты, каждый дверной проем закрывала кожаная занавеска, обеспечивавшая некоторое уединение. Пену говорили, что каждая палата вмещала по необходимости от четырех до десяти коек, а значит, всего здесь могли одновременно разместиться до двухсот больных или раненых.

Аделис направился к одной из кожаных занавесок, отодвинул ее и вошел внутрь. Пенрик последовал за ним. Яркая безмятежность двора внезапно сменилась темным смятением.

Даже без помощи Дез глаза Пена быстро привыкли к полумраку, хотя увиденное его не обрадовало. Шесть коек, все заняты, пять — стонущими, мечущимися людьми, одна — неподвижно лежащей фигурой. Рядом с ней стоял на коленях юноша, его плечи тряслись от приглушенных рыданий.

— О нет, — выдохнул Аделис, резко остановившись. — Только не мастер Оридес. Я надеялся, что ты сможешь спасти хотя бы его, Пен.

Пен, подозревавший, что надежды Аделиса намного более масштабны, вздрогнул.

Оридес был старшим целителем легиона. Пен познакомился с ним во время прошлогодних торжеств. Его отличали хладнокровие — какое мог дать только многолетний опыт, — некоторая мрачность — что тоже могла прийти с опытом, — а также чувство юмора. В вороньем облике на подушке больше не было ничего насмешливого, человечность ушла вместе с теплом жизни, потемневшая плоть облепила кости, словно преждевременно высохла.

Дез, Взгляд.

Демон Пена делился с ним своим духовным восприятием только по его просьбе, потому что двойное зрение ошеломляло, а окружающих пугала реакция чародея на то, чего больше никто не видел. Например, призраков, хотя во время последнего визита Пена в форт отлученных душ здесь было не больше, чем в любом другом старом здании. Но Оридес, судя по всему, уже отправился к своей богине, подхваченный, как любимое дитя, которым, должно быть, и являлся для Нее. Ощущение божественного прикосновения рассеивалось, как едва уловимый аромат. *Хотя бы эта благодать в столь неблагоприятный момент.*

Услышав Аделиса, молодой человек поднял голову и вскочил на ноги, беря свои чувства под контроль. Прижал кулак к сердцу и сдавленным голосом произнес:

— Сэр!

У армейской формы были свои преимущества: она сразу давала понять, что за человек перед тобой — или, по крайней мере, каковы его функции. Пен полагал, что то же самое можно сказать и о храмовом облачении. Этот юноша был военным врачом, судя по зеленому поясу и не слишком чистой некрашеной тунике без рукавов. Сколько ему лет, двадцать с небольшим? Типичный для этих краев облик: смуглая медно-кирпичная кожа, черные волосы, карие глаза; среднее телосложение, ростом чуть ниже мускулистого Аделиса. Нетипичным было изнуренное, осунувшееся лицо и полный отчаяния шепот:

— Вы опоздали.

Пен поморщился. Аделис покосился на него и благоразумно решил проигнорировать этот всплеск эмоций.

— Пенрик, это старший подмастерье Оридеса, мастер Реде Ликата. Наш второй военный врач. — Теперь, очевидно, первый, и, судя по тому, как втянул воздух Реде, он только сейчас начал осознавать, что за ноша на него свалилась. — Мастер Реде, это Просвещенный Пенрик кин Юральд, храмовый чародей герцога Джурго. Он и его демон, мадам Дездемона, имеют опыт в медицинских вопросах, который, не сомневаюсь, поможет нам решить эту проблему.

К облегчению Пена, Аделис не назвал его целителем. Хотя, судя по тому, как генерал коснулся шрамов от ожогов, испещривших верхнюю половину его лица, подобно красно-белым совиным перьям, и обрамлявших глаза, которые снова могли *видеть*, подобные мысли его посещали. Дез немного приосанилась от любезности Аделиса — ее редко представляли отдельно.

Лишь взъеропившая волосы рука выдала тревогу Аделиса. Кивнув на кушетку, он спросил:

— Когда он скончался?

— Менее половины поворота песочных часов назад. — Глядя на своего покойного наставника, Реде провел тыльной стороной запястья по красным глазам и наконец сказал: — Скорее всего, когда вы утром уехали в Вилнок, уже было слишком поздно.

Аделис со свистом выдохнул сквозь зубы.

— Надо полагать.

Выражение «запах смерти» было ошибочным и обретало смысл лишь после того, как труп основательно полежит, но царивший в комнате запах болезни скрывал все прочие, несмотря на старательные усилия соблюдать чистоту. Санитар, державший таз, куда слабо рвало другого пациента, поднял глаза и сказал Реде:

— Я помогу вам его прибрать, как только закончу, сэр.

Реде отмахнулся.

— Теперь он может подождать.